

Г.А. Дырхеева

**Особенности трансформации языковой ситуации в Бурятии:
к постановке проблемы изучения типологии языковых контактов
в Сибири**

Аннотация. В статье кратко представлены результаты социолингвистических обследований языковой ситуации в Бурятии, касающиеся преимущественно состояния второго государственного бурятского языка. На примере анализа основных проблем: бурятско-русского двуязычия и литературного бурятского языка – показано существенное ухудшение его функционирования. Ставится задача широкомасштабного обследования состояния языков Сибири, выявления типов языковых ситуаций.

The results the social linguistic of inspections of a language situation in Buryatia concerning mainly a condition of the second state Buryat language are briefly presented in article. On the example of the analysis of the main problems: the Buryat-Russian bilingualism and literary Buryat language – essential deterioration of its functioning is shown. The task of large-scale inspection of conditions of languages of Siberia, identification of types of language situations is set.

Ключевые слова: языковая ситуация, бурятский язык, социолингвистическое исследование, языковые приоритеты, литературный бурятский язык, типология, языки Сибири.

Language situation, Buryat language, social linguistic research, language priorities, literary Buryat language, typology, languages of Siberia.

УДК: 81'27 (571.54).

Контактная информация: Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Тел. (914)8440024. E-mail: an5dag1@mail.ru.

Общеизвестно, что проблемы большинства языков малочисленных народов бывшего СССР схожи, однако в каждом регионе имеются свои особенности и, соответственно, процессы взаимодействия больших и малых языков в них также отличаются. В этом плане актуальным становится изучение особенностей трансформации языковых ситуаций в конкретных национальных регионах, в частности, в условиях современной языковой политики, проводимой в Российской Федерации в условиях становления нового демократического общества.

Публикуемые материалы по языковым ситуациям в национальных регионах России говорят:

во-первых, о том, что огосударствление ряда языков сыграло положительную роль, оно замедлило процесс утраты языков и, в целом, состояние отдельных титульных языков оценивается как удовлетворительное;

во-вторых, некоторые положительные моменты в процессе языкового возрождения обусловлены общими процессами духовного, национального возрождения, который отчасти вызван противостоянием процессу глобализации, вниманием мировой общественности к состоянию национальных культур, а также процессами демократизации в России, которые в языковом отношении оцениваются, как естественная реакция на длительный период вытеснения национальных языков.

В связи с этим возникают вопросы: Насколько глубоким и длительным будет этот период? Как далеко зашел процесс утраты ряда языков и диалектов коренных народов России, поскольку в принципе он совпадает с общемировым процессом?

Естественно, что нужно говорить о специфике языковой ситуации каждого региона. Несмотря на то, что в большинстве из них пока ситуация с национально-русским двуязычием не претерпела кардинальных изменений по сравнению с дореформенным (90-е годы XX века) периодом. Принятые в ряде субъектов языковые законы в основном не работают. В каждой из национальных республик можно наблюдать изменения, которые объясняются преимущественно объективными внешними факторами: преобладание титульной нации (Тува и Чувашия). Только в 10 республиках из 23 численность статусной национальности составляет большинство населения. Значительная часть представителей титульных национальностей проживает за пределами своих республик (в том числе 40,2% бурят, 70,8% мордвы, 68% татар и т.д.), что также не способствует сохранению и поддержке национальных языков; территориальная удаленность; изоляция (Якутия); социальные льготы для репрессированных (Калмыкия); наличие престижных родственных языков в самостоятельных соседних государствах (Карелия); активная поддержка властных структур (Татарстан) и т.д. Среди субъективных факторов, влияющих на происходящие изменения, естественно, необходимо, кроме языкового законодательства, указать на возрождение национального самосознания.

Языковая ситуация в Республике Бурятия (РБ) определяется, как и во многих других национальных республиках России специфичностью положения языков двух основных этносов, представляющих русских и бурят и составляющих около 96 % населения полиэтничной Бурятии. В целом, характеризующийся как относительно спокойный в национальном отношении регион, он имеет свои языковые проблемы, наиболее острыми из которых, являются современное состояние литературного бурятского языка и бурятско-русское двуязычие или, точнее, языковой сдвиг относительно бурятского языка.

По переписи 2002 г., когда впервые в вопросник был включен вопрос о владении языками, 98,6 % граждан РБ ответили, что владеют русским языком. Вторым государственным языком республики, бурятским, владели 23,6 %.

В 2010 году доля ответивших положительно на вопрос о владении русским языком выросла с 98,6 % до 99,7 % от опрошенных о владении языками. Доля же положительно ответивших на вопрос о владении бурятским языком существенно снизилась – до 13,7 % всех граждан РБ.

По данным переписи 2002 г. бурятским языком в республике владели 81,4 % бурят, 0,7 % русских, 10,2 % татар, 95,8 % сойот, 19,6 % эвенки, 0,4 % украинцев. Эвенкийским языком владели эвенки – 32,4 %.

Существенное снижение доли владеющих бурятским языком наблюдается в 2010 году и среди самих бурят (43,6 %), и среди русских – 0,4 %, татар – 6,6 %, 92,3 % сойот, 4,2 % эвенков, 0,2 % украинцев. Снижение доли владеющих родным языком среди бурят, возможно, объясняется тем, что уходит из жизни довоенное поколение тех, кто по нашим данным хорошо им владел. Так, по результатам нашего опроса [Дырхеева и др. 1999: 53], по уровню владения русским языком идет четкое деление респондентов на довоенное и послевоенное поколение. Именно в 50-е годы, когда послевоенные дети пошли в школу, было принято решение, которое во многом способствовало вытеснению бурятского языка из школы: перевод преподавания всех учебных дисциплин с 5 класса на русский язык.

Как видим, ситуация по официальным данным с бурятским языком не улучшается. Общеизвестно, что в связи с проблемой дальнейшего существования бурятского языка большие надежды возлагались на принятие закона «О языках народов Республики Бурятия». Кратко можно сказать следующее.

Реализация закона в период до 2010 года осуществлялась посредством принятия Постановлений Правительства РБ, которые, в том числе, включали и языковую проблему. Так Постановлением №336 от 29.09.1997 была принята Концепция государственной национальной политики РБ, согласно которой языки коренных национальных меньшинств включались в программы учебных заведений в районах их компактного проживания. Среди целей и задач государственной национальной политики указывалось воссоздание и совершенствование национальной общеобразовательной школы как инструмента сохранения и развития национальной культуры и языка. В Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на 2002-2004 годы (Постановление № 187 от 23.05.2001), предусматривалось выделение средств в рамках Программы сохранения и развития языков народов республики на издание учебников национально-регионального компонента, а также на сохранение контингента учащихся, изучающих бурятский язык. Примерно на эти же цели были направлены средства, предусмотренные в Республиканской целевой программе «Развитие образования и науки в Республике Бурятия на 2004-2007 годы» (Постановление № 296 от 22.09.2003). Таким образом, можно сказать, что в течение многих лет государственная программа по сохранению и развитию бурятского языка напрямую не финансировалась.

В 2006 г. при Правительстве РБ была создана комиссия по развитию бурятского языка, которую возглавляет Первый заместитель председателя Правительства республики. В дальнейшем в целях реализации закона была принята Концепция развития бурятского языка, принятая Постановлением Правительства РБ № 80 от 12 марта 2009 г. Постановлением Правительства РБ от 2 августа 2010 г № 312 принята Государственная программа Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка на 2011-2014 гг.», информация о ходе выполнения которой ежегодно заслушивается на заседании комиссии. Так, в 2014 году на реализацию программы было выделено более 28 млн. рублей.

В настоящее время ответственность за исполнение языкового законодательства возложена на Комитет Народного Хурала РБ по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям, исполнение Государственной программы проводится при поддержке Министерства образования и науки и Министерства культуры РБ.

О достоинствах и недостатках закона уже много говорилось. Можно также еще предположить, что отсутствие статьи о государственных гарантиях функционирования языков в Бурятии, об обеспечении равноправного функционирования бурятского и русского языков как государственных делает закон неполным. Возможно, что требуется четкое законодательное определение сфер (возможно, и

типов ситуаций) исключительного использования русского языка, равноправного употребления бурятского и русского языков, преимущественного применения бурятского языка.

Проблема внесения поправок в закон активно обсуждалась в конце 2013 года в связи с принятием республиканского Закона об образовании, что еще раз показало насколько остро стоит проблема с его реализацией, а также то, что необходимо не только найти пути решения проблемы, но и проводить регулярный мониторинг в данной области.

В связи с этим задачей серии исследований, проводимых в последние годы, являлись, в том числе, анализ языковых предпочтений молодежи при обучении в образовательных учреждениях республики, их отношения к введению после принятия языкового законодательства бурятского языка в программы обучения, оценка эффективности преподавания бурятского языка в школах, ССУЗах и ВУЗах республики. Обследования проводились в 1999-2000 [Дырхеева 2002] и 2013 годах [Дырхеева, Хилханова 2014]. Последнее обследование было связано также со спецификой изменения языковых ситуаций в ее приграничных регионах.

Результаты данного обследования показали, что наиболее значимым фактором, определяющим мнение по вопросу о введении в программу обучения бурятского языка – является национальность, определенную роль играет также возраст. Так, почти все (90 %) информанты-буряты независимо от возраста высказались за необходимость изучать бурятский язык в школе, тогда как мнения русских опрошенных разделились по возрастному принципу. Русская молодежь образовала две полярно противоположные группы сторонников и противников изучения бурятского языка в школе – 45,6 % «за» и 41,1 % «против». Среди русских учителей и родителей гораздо больше сторонников более мягких и взвешенных подходов к решению этой проблемы: «за» – 56,9 %, «против» – 19,6 %, а 23,5 % считают, что изучать нужно по желанию (по выбору, факультативно, дифференцированно), выбрать интересную методику, чтобы увлечь детей. Под дифференцированным изучением имеется в виду, что учителя и родители предлагают детям бурятской национальности изучать бурятский как родной язык, остальным – как второй государственный язык на территории Бурятии.

Как и при предыдущем опросе, основной причиной, почему надо изучать бурятский язык был ответ:

У бурят – на первом месте, «потому что это родной / национальный язык», на втором – (при опросе в 2000 году) «потому что он позволяет знакомиться с достижениями бурятской национальной культуры, религии и т.д.», на третьем – «потому что его преподавали (ют) в школе», «потому что он помогает в общении с друзьями, родственниками». Причем для учащихся городских школ было характерно несколько иное ранжирование ответов: лишь 51,2 % (меньше всех) указали, что изучают бурятский язык «потому, что он родной», на втором месте стоял вариант «потому что его преподавали (преподают) в школе».

У русских учащихся мотивация изучения бурятского языка изменилась: при опросе пятнадцатилетней давности на первом месте стоял ответ «потому что его преподавали (преподают) в школе», теперь большинство ответило «потому что живем в Бурятии». О степени престижности бурятского языка, его востребованности можно судить по ответам на ряд вопросов. В частности, более 90 % лиц бурятской национальности ответили, что они хотели бы, чтобы их дети знали родной язык, 45,6 % русских также не против того, чтобы их дети знали бурятский язык.

Среди причин нежелания или невозможности изучать бурятский язык в 2000 году большинство указало на то, что испытывают трудности в изучении языков, на втором месте стоял ответ, что он им не пригодится в жизни. При этом чаще всего не владеющие бурятским языком сожалели о том, что они его не знают в ситуациях общения с родственниками, друзьями-бурятами. 21,7 % респондентов-бурят отметили случаи посещения дацанов и культовых мест, чтения литературы на бурятском языке (14,5 %), а 38,1 % русских ответили, что таких случаев не было. На втором месте у них стоит вариант «при общении с родственниками, друзьями-бурятами» (27,5 %), на третьем – «в общественных местах, на улице, в транспорте, магазинах». Или можно сказать, что для молодежи наиболее значимой в языковом плане оказалась сфера общения с родственниками, друзьями-бурятами, а для городских учащихся – язык СМИ и язык общения при визитах в дацан.

При последнем опросе основным мотивом, высказанным против изучения бурятского языка (как русскими, так и учащимися-бурятами) в школе является то, что он «не пригодится в жизни». Для русских учащихся и студентов нежелание учить бурятский язык мотивируется в первую очередь национальной принадлежностью; как высказалось двое информантов, «русский все равно не будет разговаривать на бурятском языке».

Изменения, обусловленные демократизацией российского общества и глобализационными процессами в мире, коснулись и преподавания иностранных языков в школах и вузах Бурятии. И, если еще в конце 80-х годов XX в. в школах традиционно преподавались английский, французский и не-

мецкий язык, причем, только в одной из них велось углубленное изучение английского. В настоящее время из 450 школ РБ, в которых преподаются иностранные языки, 438 отдали предпочтение английскому языку, 24 французскому, 58 немецкому, 2 китайскому, одна испанскому, т.е. в 16 школах обучаются 2 и более иностранным языкам.

В конце 90-х годов впервые в программу обучения в двух лицах был введен китайский язык. Актуальность изучения восточных языков возросла в последние десятилетия и связана она как с очевидными изменениями в геополитическом пространстве, так и с пониманием имеющихся возможностей и приоритетов приграничья республики с Монголией и Китаем. Соответственно, это нашло отклик и в перестройке вузовской подготовки. По предварительным наблюдениям, общая тенденция в сфере преподавания иностранных языков в регионе заключается в том, что вектор приоритетов смещается в сторону китайского языка при сохранении позиций английского языка. Остальные иностранные языки – немецкий и французский – постепенно уходят из школьных и вузовских программ. Можно также отметить то, что китайский язык на сегодня занимает 6 место в России (после английского, французского, немецкого, испанского и арабского) по количеству обучаемых в школе. К сожалению, язык нашего соседа – Монголии – является наименее представленным среди всех иностранных языков: только один человек указал, что он понимает, но не говорит на монгольском. Во-первых, это свидетельствует о невысокой экономической привлекательности этой страны для жителей приграничных областей, во-вторых, жители Бурятии знают, что для общения с монголами можно использовать русский язык.

В целом же языковые установки жителей приграничных регионов востока России в отношении иностранных языков находятся вполне в русле общемировых тенденций в плане оценки английского языка как «гиперцентрального языка», но отличаются от языковых установок жителей центральных и западных регионов России. Если там близость к Европе стимулирует востребованность западноевропейских языков, то в РБ почти одна треть опрошенных делает вполне осознанный выбор в пользу китайского языка и есть все основания полагать, что эта тенденция будет только усиливаться.

Языковые приоритеты в системе образования меняются и находятся в зависимости для местных языков от языковой политики, проводимой в регионе, а для иностранных языков от мировых глобализационных процессов, которые тесно связаны с экономической составляющей: экономическое благополучие соседних государств является одним из решающих факторов в предпочтении языка изучения и обучения.

Одной из причин трудностей решения языкового вопроса в Бурятии остается проблема литературного бурятского языка, которая время от времени дискутируется и, соответственно, требует фундаментального рассмотрения и решения.

Что необходимо отметить?

Во-первых, имеется существенная внутрилингвистическая проблема: заимствования и калькирования терминов в родственных монгольских языках проходят чаще стихийно и по-разному. Помимо графических отличий, возникает ненужное разнообразие терминов, наименований и других элементов лексико-семантической системы. Наблюдающиеся в последнее время попытки использования монгольских слов в бурятском литературном языке, к сожалению, пока успеха не имеют, что связано со значительными языковыми расхождениями, отсутствием достаточных речевых контактов, а также современной практики заимствования монголизмов. Поэтому необходимо согласованное научно обоснованное терминотворчество, при котором больше внимания уделять интегрирующим, а не дифференцирующим процессам и явлениям в языках. Или: необходимо соблюдать баланс русских и монгольских заимствований.

Во-вторых, известно, что проблемы национальных литературных языков связаны не только с внутриязыковыми проблемами их становления, их соотношения с диалектами, нормализационными процессами, но и со сложной социальной обусловленностью их функционирования. Тем более эта проблема соотношения языка и диалекта сложна для языков и диалектов кочевых народов.

Становление литературного языка – процесс длительный, однако в большинстве языков России он не просто не регулировался и не регулируется, он просто игнорировался и замедлялся посредством уничтожения поддерживающих структур: национальных школ, книгопечатания, средств массовой информации на национальных языках и т.д. Хотя, если учесть, что за литературным языком закрепляются какие-то определенные сферы функционирования, не всегда он должен быть полифункционален, но иметь в наличии несколько сфер письменного употребления, то с некоторой натяжкой можно считать, что те же титульные народы пока имеют свои литературные языки.

Другое дело, что в дальнейшем по ряду причин не произошло нивелирования диалектных различий, отсутствует софункционирование литературного и общеразговорного языка и пока бурятский

литературный язык в обществе воспринимается не как наддиалектная форма, а как язык носителей хоринского диалекта, функционирование которого вызвано потребностями бурятского общества. Процесс обособления от диалектной основы проходит медленно и не регулируется.

Бурятский язык все более теряет возможность отразить происходящие в обществе изменения, процесс диалектной интеграции проходит медленнее, чем процесс языковой интеграции и носителям разных диалектов легче разговаривать на русском языке, чем на бурятском.

В-третьих, причиной сложности решения проблем национально-языкового развития помимо многодиалектности языка является относительно слабая нормированность, узость социальной базы литературной формы языка. Как и для многих малочисленных языков России, проблема бурятского литературного языка является, во-первых, этносоциальной, связанной с длительным отсутствием соответствующей языковой политики по поддержке литературного языка, его норм в различных сферах, во-вторых, этнопсихологической, связанной с престижем, авторитетом принятой нормы. В последнее время проблема единства к тому же осложняется: во-первых, сокращением сфер использования литературного языка (в частности, все меньше, как указывалось выше, издается литературы на бурятском языке); во-вторых, все более развивающимся билингвизмом носителей языка. Как показывает история, становление литературного языка – процесс длительный, и на данном этапе помимо проблемы становления литературных норм нужно ставить задачу сохранения диалектов. Сохранятся диалекты – сохранится язык, поскольку носители диалектов пользуются родным языком в семье чаще, чем носители литературного варианта. Поскольку характер нормализаторской деятельности зависит от конкретной языковой ситуации, конкретного языка, то для языков типа бурятского, который находится в постоянном контакте с крупным языком, такая деятельность должна быть постоянной. Необходимо постоянно контролировать развитие бурятского языка под влиянием общественных изменений и соблюдать баланс, оптимальное сочетание норм литературного языка и диалектной речи, литературного языка и разговорной речи, бурятского, русского, монгольского литературных языков.

Таким образом, перед языковедами Бурятии в данном аспекте стоят не только проблемы дальнейшей научной разработки вопросов литературного бурятского языка, теории и практики нормализации, изучения особенностей разнообразных форм двуязычия, функционирования и взаимодействия языков, диалектов, социолектов, региолектов и т.д., анализа социолингвистических корреляций в различных частях этнической Бурятии, факторов, влияющих на переключение с одного языкового кода на другой и др. И здесь можно отметить, что в последние годы активнее стали рассматриваться такие субъективные (или сентиментальные) параметры как эмоции, чувства, оценка, настроения, интенции и т.д. Очевидно, что это связано с тем, что язык относится именно к тем явлениям, которые затрагивают самое сокровенное, подсознательное любого человека и именно тот факт, что дискуссии и дебаты по данной проблеме не утихают, говорит о том, что оно лежит в области очень важного для каждой личности, для народа.

В ходе проведения ряда социолингвистических обследований в Бурятии было выявлено, что основными факторами этносоциолингвистических трансформаций являются геополитические и социально-экономические условия существования языка. Дисперсное проживание и преимущество русскоязычного населения, языковая политика советского государства, привели к ослаблению культурно-языковой устойчивости бурят и других народов, утрате некоторых элементов этнической самобытности, к постепенной потере языка. Причем в целом в настоящее время многие из них, в том числе и буряты лучше владеют русским языком, чем родным. Развитие национального языка в русскоязычном окружении определяется разнонаправленными тенденциями: усиливается действие интерференции с широким распространением русского языка как языка общения, продолжается процесс стихийной нормализации, усилиями СМИ и национальной школы делаются попытки преодоления смешения литературных языковых норм. Литературный бурятский язык, например, пока незначительно, но функционирует в художественных произведениях, газетных публикациях, звучит по радио и в телепередачах, со сцены бурятского драматического театра, преподается в бурятских классах школ. Однако этот процесс не носит общенародного характера. Все больше он уступает место русскому языку, причем даже в просторечье, в быту.

Серьезные опасения внушает также состояние эвенкийского языка, одного из признанных коренных народов Бурятии, проживающего на севере республики. Численность эвенков чуть более 1600 человек. Несмотря на возросший интерес народа к своему прошлому, культуре, языку, подъем национального самосознания, а также поддержку со стороны различных правительственных и общественных структур и органов, пока ситуация с ревитализацией эвенкийского языка не приобрела стабильный необратимый характер. Активных носителей языка становится все меньше.

Различного рода исследования показали, что в настоящий момент в республике национально-языковая проблема не носит конфликтный межнациональный характер. Во многом она определяется

внутринациональными проблемами и связана, в том числе, с культурой бурят, многодиалектностью языка (как и во многих других языках, имеется проблема единого литературного языка), национальным самосознанием, усилением процесса деэтнизации. Хотя считается, что буряты – динамично развивающийся этнос, переживающий новый этап культурного развития. Но не на базе родного языка. Можно также отметить, что незначительные положительные языковые изменения произошли на общероссийском фоне и тесно связаны с наблюдаемыми во многих регионах России и мира процессами возрождения этнического и религиозного самосознания и самоопределения.

Таким образом, реальная языковая ситуация в Республике Бурятия с местными национальными языками на данном этапе остается критической: процесс языковой ассимиляции не приостановлен, проблема их возрождения не снимается. Пока сохранению языков во многом способствует дисперсное проживание населения, которое, с одной стороны, не способствует консолидации и языковому единению, но, с другой, помогает сохранению языка хотя бы в виде диалектов, консервации традиционных лингвокультурных контактов. В данном случае основными факторами языковой сплоченности любого народа выступают СМИ и образование, факторы, способствующие охвату больших пространств при отсутствии необходимого уровня непосредственного контактирования. Если многоязычие и относительно высокий уровень сохранения и поддержки языковой компетентности, например, на Северном Кавказе отчасти объясняется географическим положением (горный регион обуславливает трудности и частоту языковых контактов), исторической обусловленностью противостояния насилию, в том числе и языковому (чем больше языков, тем больше желания сохранить свою самобытность), религиозными устоями и менталитетом, то в Сибири также географические условия, но уже, наоборот, территориальная разбросанность, большие расстояния, малая заселенность, соответственно, отсутствие достаточного числа контактов, способствует сохранению диалектов и языков.

Как показывает время, назрела необходимость комплексных исследований, направленных на выявление типологий языковых контактов, в частности, в сибирском регионе. Подобное обследование было проведено в начале 70-х годов прошлого века В.А. Аврориным. Более чем за полвека ситуация существенно изменилась, поэтому требуется своевременное современное изучение и описание. В этом плане Институт филологии СО РАН мог бы выступить в роли координатора исследований по этноязыковым, социолингвистическим проблемам, проведя отбор наиболее удачных методик, специалистов из различных регионов Сибири и, соответственно, финансировании глобальных проектов. Также как и в области исторических исследований в настоящее время назрела проблема разработок новых методологических позиций в отражении исторических событий (наличествует существенный разрыв в написании историй республик, краев, областей, регионов), а в литературе отход от соцреализма приводит к значительным трудностям в написании историй национальных литератур. Возможно, для подобных фундаментальных работ необходимо сотрудничество различных научных центров.

Говоря о изучении типологий языковых контактов, следует решить следующие задачи:

1. Выявить типологически релевантные процессы на фоне соотношения общих и частных закономерностей; установить степень интенсивности этих процессов в родственных и неродственных языках.
2. Вскрыть причинность этих процессов; выявить совокупность факторов, определяющих и регулирующих социолингвистическую обстановку в каждом регионе в отдельности и в целом по Сибири; степень их влияния на состояние языков. Особое внимание при этом обратить на языки титульных народов, в частности, на законодательные решения их проблем, специфику и трудности реализации законов о языках в национальных республиках.
3. Создать методику целостного и единого социолингвистического описания процессов, происходящих в языках сибирского региона.
4. В результате планируемого исследования – выявить новые социолингвистические типологии, характерные для малочисленных языков России.

Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: Современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.

Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.

Дырхеева Г.А., Хилханова Э.В. Языковые установки молодежи Бурятии: система образования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 218-224.